

ПРОСТЫЕ ИСТИНЫ

О ПИСАТЕЛЕ И ЧИТАТЕЛЕ

..И на самом деле нельзя не удивиться: до чрезвычайности все это просто, как не понять? Или не хотят понять?

Недавно появившиеся в газетах отчет о совещании читательской работы библиотек, это, безусловно, документ громадного значения, с которым следует ознакомиться каждому, кто интересуется вопросами советской культуры, который для будущих исследователей духовного бытия нашей эпохи послужит каменем, отягачившим мантию дворов. Думается, что документ этот должен был бы вывешивать не желтые отблески и не мочевые брызги, а хотя бы, великий социальный светлячок. Однако, до сих пор слабой силой у нас — во печати — навыки «культуры для немногих»: документ наш остался пока незамеченным; правда, эта «премьера» рабочего читателя была обставлена менее торжественно, чем любая театральная премьера.

Так вот о самом факте. Это массовое совещание рабочего читателя — не литературный десант, и не доклад в Политехническом музее, куда ходят — часть, чтобы убить вечер, часть, чтоб «посмотреть на знаменитостей». Это совещание — лаборатория в действии, лаборатория, где выработаются важнейшие стили тиванским и

зов, каждый может ощутить ее перлышка.

Только осторожной нужно ощущать эти вершилки, навалиться можно: ибо оказывается, очень они колючие.

Настолько недвусмысленны, так обычны, в такой степени просты истинны, высказывавшиеся на этом совещании, что просто, но повты: как же не сказать о них то, и кому они относятся — нашим писателям?

Ведь мы же не знали наших писателей, что читатель, средний рабочий, читатель хочет читать не о том, что он знает и видит, а именно о том, чего он не знает и не видит?

Или разве не знали они, что читатель знает, что требуется пред-видеть к этому писателю: чтоб он писал не только, чтоб ствал ему не мешало, что не затрудняла?

И, наконец, будто бы не знали они, что во всех писателях заинтересован не только тот, о ком он пишет, но и тем, затем читатель эту вещь читает?

Критически замечания читательские на этом совещании коснулись и вопрос стилистики, и вопрос тематики, и самого важного вопроса — целевой установки современной литературы.

Нам по раз уж приходилось говорить в «Вест. Москве» о проблеме стилей в современной литературе, что формально стилистический

дражует читателя — с души у него воротит, — такое специфическое ухарство некоторых молодых наших авторов, такое цезарство крепкими российскими словами: крепко восполненное, густо проверщенное, лихо загнутое, заборное, а водчас и заборное — это слово для некоторых молодых, или притворившихся молодыми авторов, — вроде как графа, в аявоте — происхождения водзино пролетарского, а потому к нашим без белых перчаток.

Оказывается, пролетарский читатель «протестует» против обильных ругательства, которыми переводились новые книжки». Книжки эти, — так говорилось на совещании, «всчески высказывают сквернословие и пахобашину». Намет сквернословие долго говорить не приходится: условимся, что это корь, которой должен переболеть каждый начинающий, но не забудем, что во взрослом возрасте, — корь это штука опасная.

Но вопрос стилистики, — а не санитарики, — встает широко. Как тут быть? Только-что прочел последнюю вещь Артема Веселого «Россия, прощай уминая» («Недра», кн. 10). Талантливый писатель, талантливая вещь. Но называет он эту свою вещь — «роман в двух частях», и вместо — главы первая — написано у него «глав первый». Что это значит?

При желании можно догадаться. Богатырь и весельчак Артем Веселый — решил бороться с пошлой и дикой теорией словесности, и о пыльных, надевшихся этих слов — «часть», «глава». Что-ж, его дело — на теория словесности не забудет, ни его не забудет, повинная голова.

Но читатель-то давно ведь, он знает, что такое «часть» и «глава», и это артем Веселый, как в отрывке, в «глав первый» — то что это означает? На странице 177 — «глав первый»

загнула писатель — весельчак. Рассказывает он о солдатах, воспримавшихся осенью 17 года с кавказского фронта.

«Лоймают, где грузинца, татары, или армяна, тут ему и шаксей-ваксей: тесаком по арбузу, проволокой за шею и на телеграфный столб задернут». Это не какой-либо герой романа рассказывает, это сам автор эпически повествует от себя. Но ведь и средний рабочий читатель знает: не «грузинца», а грузин, не «татар», а татарин, не «армян», а армянин, не «телеграфный», а телеграфный. И глубоко и горестно недоумевает читатель: ему ведь и неинтересно, что решает Веселый формальную задачу, желая передать ритм описываемой эпохи, ритмом специфического сказа.

Вопрос стилистики — это еще полдела. Важнее, вопросом тематики и целевой установки.

Совершенно естественно, что писатель, вышедший из рабочей, из крестьянской среды, берет эту среду своей темой. Совершенно естественно, что писатель, выросший в гражданской войне должен преодолеть эту тему, освободиться от нее процессом творческой работы. Но не менее естественно, что читатель-рабочий, читатель-крестьянин, читатель бывший фронтовик, — не хочет читать о том, что он сам достался выдал, чем он сыт по горло: об этом единодушно говорили на читательском совещании.

А в итоге — абсурд какой-то получается: пролетарский, крестьянский писатель оказывается пишет не для пролетариата, не для крестьянства, а для небольшой группы интеллигентии, воспринимавшей эти темы, как эпитетку; или — можно утешиться — для будущих поколений, для вечности. Во из этого утешения шубы не слышат...

И все-же не перестанем отогур. Нужно лишь литературу на-

шей в сорез и искренне помышлять понять.

Повты раньше всего, что читатель теорет не тот, что был до революции. Писатель тогда не уважал читателя. Бурият, вспоминается, священным догом почитал, читать свои лекции в пыльном виде Горьский читателя в строгости держал, покрикивал на него. Солдуб — чем любившей собрал на своих страницах человеческие галости — тем с большим наслаждением воскизал: это я о нас, явные современники... И уж, конечно, каждый писатель, себя уважающий, стремился огоронять, зашутить читателя стилистическими пресмежи. Недаром, ведь и выражение было соответственное: знаতিরовати буржуа. И нужно сказать — читатель любил это зашутить: давало оно некий патент на интеллигентность.

Но это прошло и быльем поросло. Родился новый читатель, содцался читательский рынок. И думать о читателе и о рынке — первейшая обязанность любого писателя. Иверция аявля и мысленно водскажет: рынок, фи, какое вошло слово. Но рынок рынок рознь. Читательский рынок, где спрос определяется вкусами мешаиста — вошлый рынок. Но ведь в нашей стране мешаисту на рынке отведен свой уголок, и лежат в этом уголку Венуа и Керуш...

Стилистическое достижение — право каждого пишущего. Но обязанность каждого пишущего проводить четкую грань между стилистическими достижениями и стилистическим блеванием. Проводит-ли эту грань, к примеру, Артем Веселый? Дело другое, если Веселый, как хотя бы Андрей Белый, честно скажет себе: я работаю не на читателя, я произвожу лабораторные опыты. Его право. Но, вступая и литературу, должен отбуть себе ясный отчет каждый начинающий писатель: для себя-ли, или для читателя он пишет. И если для читателя — то

сделать из этого соответствующие выводы: разное место, уважать читателя. О, это не значит клеветать на них в хлосте. Это значит лишь — раз навсегда решить: не ты для меня, а я для тебя. И эту мысль так провести через сознание, чтоб стала она составной частью самого писательского организма, потонувшим элементом рабочего процесса.

Вот тогда, в каждом индивидуальном случае, будет видеть тот отрыв писателя от читателя, на который жаловался в этом совещании обе стороны. Но во всяком случае, не видеть этого отрыва горькими заявлениями, вроде заявления на совещании одного писателя, о том, что он отказывается давать читателю «завешие». Экий колокол этот писатель! А уверел ли он, что язык у него не медя, а не из слова? А убежден-ли он, что может ответить читателю на «проклятые вопросы», что читатель нуждается именно в его ответах? Ведь вот она, горькая человеческая. Твердо нужно запомнить: на лежиде этой гордыни далеко не уедешь, дерзая она, и хлост у ней козальный.

МНХ. ЛЕВНДОВ

От редакции. Статья помещается в порядке обсуждения. Редакция по согласию с некоторыми вывозила тов. Левндова. Так, например, вопрос о содержании (взаимное или взаимное для рабочего читателя) разрешается автором чрезвычайно упрощенно. Революционать нашим мастерам литературного слова писать, главные образы, о том, что именно такое массовому читателю, это значит оставить в стороне от литературы значительнейшие и прекраснейшие тоды и события человеческой истории. Это противоречит не только «социальному заказу», о котором так заботится тов. Левндов, но и основной заповедь художественной литературы